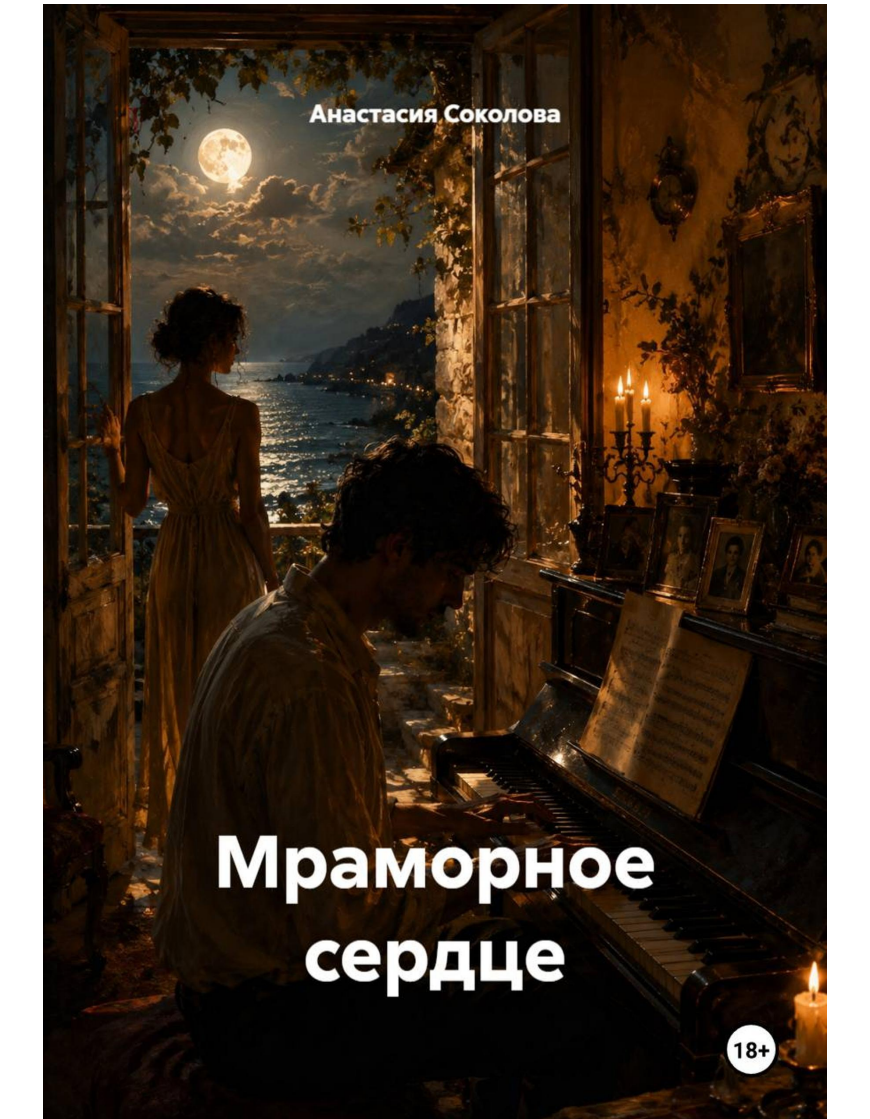

Анастасия Соколова

Мраморное сердце

18+

Анастасия Соколова

Мраморное сердце

<https://litres.ru/74343342>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мраморное сердце»

Она не хотела влюбляться. Он не имел права любить. Но между ними вспыхнуло пламя, способное сжечь всё.

Алиса — дизайнер, сбежавшая от предательства в солнечный Мраморис. Демир — магнат с ледяным сердцем и фиктивным браком, который длится слишком долго.

Он заказал ей проект своего отеля. Она не знала, что заказывает свою судьбу.

Встречи на рассвете, ночные прогулки по старым улочкам, его руки на её запястье, её губы на его шрамах. Страсть, от которой нельзя отказаться. Измена, которая не была изменой. Интриги, которые плетутся за их спинами. И любовь, которая рождается из боли.

Но когда прошлое возвращается, чтобы разрушить их, Алиса понимает: она должна выбрать — бежать снова или остаться и бороться за того, кто стал её светом.

Роман о том, как два осколка превращаются в целое. О том, что настоящая страсть — это не только ночи, но и утра, когда ты просыпаешься в объятиях того, кто готов умереть за твою улыбку.

Горячо. Пронзительно. До слёз.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анастасия Соколова

Мраморное сердце

Глава

«МРАМОРНОЕ СЕРДЦЕ»

ГЛАВА 1

МАРМОРИС. НАЧАЛО

Город встречал Алису запахом нагретого мрамора и йода — терпким, солёным, чуть горьковатым, как первый глоток полынной настойки. Она стояла у раскрытого окна своей студии на втором этаже старинного здания на улице Нарциссов и смотрела, как солнце цепляется за шпиль мечети, разливаясь по крышам медовым светом, тягучим и вязким, как карамель.

Ветер шевелил страницы эскизов, разложенных на столе, и они шуршали, будто перешёптывались. Алиса провела пальцами по подоконнику — мрамор был тёплым, пори-

стым, впитывающим тепло дня, как кожа после долгого пребывания на солнце. Она любила этот город за то, что здесь каждый камень дышал историей, каждая трещина на стене рассказывала свою историю — без слов, только фактурой и цветом.

Три месяца. Три месяца с тех пор, как она вырвала свою жизнь из Петербурга, как хирург вырезает опухоль — грубо, до крови, но необходимо. Она помнила тот день до мельчайших подробностей: серое небо, низкое и тяжёлое, давящее на плечи; запах мокрого асфальта и выхлопных газов; холодные пальцы, сжимающие ключи от квартиры, которую она больше не могла назвать своей.

Она продала всё, что могла: кольцо, доставшееся от бабушки, — с маленьким аметистом в простой оправе; коллекцию старых книг по архитектуре, которые собирала десять лет; даже свою любимую швейную машинку, на которой шила первые платья ещё в институте. Загрузила старенький «Пежо» коробками с эскизами и образцами тканей и поехала на юг, повинаясь странному импульсу, который тогда казался безумством, а теперь — единственным правильным решением в её жизни.

— Ты рехнулась, — сказала Зейнеп, когда они стояли на Лиговском, прощаясь. Ветер трепал её зелёные дреды, и дра-

кон на предплечье, казалось, усмехался. — Сорваться в Турцию с двумя тысячами евро и рулоном обоев?

— Это не обои, это шёлкография ручной работы из Индии, — огрызнулась Алиса, пряча дрожь в голосе. — И я не срываюсь. Я начинаю сначала.

— Сначала, — повторила Зейнеп, и в голосе её послышалась горечь. — Алиса, ты бежишь. Ты бежишь от себя, от своей жизни, от того, что случилось. И это нормально. Но когда-нибудь тебе придётся остановиться.

— Я останавлиюсь, — ответила Алиса, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Когда найду место, где смогу дышать.

Зейнеп обняла её так крепко, что хрустнули рёбра, и Алиса почувствовала, как по щеке скользнула слеза — не её, подруги. Зейнеп пахла сандалом и табаком, как всегда, и этот запах был единственной константой в мире, который рушился.

— Если этот город не подарит тебе хотя бы одного красивого мужчину и бокал вина на закате — я сожгу его на карте, честное слово, — прошептала Зейнеп в самое ухо. — И приеду к тебе. С драконом и всем прочим.

Алиса рассмеялась — сквозь слёзы, сквозь страх, сквозь боль.

Мраморис оказался лучше. Гораздо лучше.

Теперь Алиса смотрела на него каждый день с этого окна — на узкие извилистые улочки, где пахло жареным кунжутом и апельсиновой цедрой, на старые дома с коваными балконами, увитыми бугенвиллеей, на синюю-синюю полосу залива, которая открывалась в конце улицы, будто обещание. Она могла смотреть на это бесконечно — как море меняет цвет от бирюзового до тёмно-графитового, как солнце оставляет на стенах длинные тени, как чайки описывают круги над крышами, высматривая добычу.

Но она не верила в обещания. Она научилась верить только фактуре, свету, линиям. Только тому, что можно потрогать руками: шероховатость необработанного камня, гладкость полированного дерева, прохладу шёлка, нагретого солнцем. Работа — единственное, что не предавало. Работа никогда не говорила: «Ты слишком сложная». Работа никогда не уходила к другой.

Алиса взяла чашку с остывшим чаем — она забыла про него три часа назад, и теперь в чашке плавала тёмная плёнка, которую она машинально размешала ложкой — и вернулась

к столу, где лежали развёрнутые эскизы. Заказ был странным — президентский люкс в отеле «Марморис Палас», где требовали «абсолютную тишину в цвете». Она перечитала техническое задание раз десять и всё равно чувствовала, что клиент сам не знает, чего хочет. Только сумма была большой — достаточно, чтобы закрыть аренду студии на полгода вперёд и купить новые итальянские краски, те самые, с пигментами из умбры и охры, которые пахнут землёй и временем.

«Свет должен быть мягким, но не рассеянным. Цвет — глубоким, но не угнетающим. Текстуры — дорогими, но не кричащими».

Алиса провела пальцем по линии будущего светильника, чувствуя, как подушечка скользит по гладкой поверхности карандаша. Она представила, как этот свет будет падать на стены — тёплый, золотистый, как свет уходящего солнца, который она видела из своего окна. Представила, как он будет отражаться от мраморного пола, создавая на потолке танцующие блики. И улыбнулась — той редкой улыбкой, которая появлялась, когда она была погружена в работу. Потому что работа заставляла её забывать, что внутри всё ещё болит — та глухая, ноющая боль, которую не заглушить даже самой красивой отделкой.

Она не заметила, как наступила ночь. Не заметила, как

зажглись уличные фонари, разливая по комнате оранжевый свет. Не заметила, как за окном стихли голоса, и город погрузился в ту особую южную тишину, когда слышно только, как море дышит. Она работала до тех пор, пока не свело пальцы, — и только тогда откинулась на спинку стула, закрыла глаза и позволила себе вспомнить.

Она вспомнила его. Не Демира — тогда она ещё не знала его имени, не знала, что он войдёт в её жизнь как ураган. Она вспомнила того, кто ушёл. Его голос, когда он говорил: «Ты слишком сложная. С тобой нужно думать, а я хочу отдыхать». Она вспомнила, как пахла его рубашка — дешёвым одеколоном и потом. Вспомнила, как он взял ключи от их квартиры и положил их на стол, даже не взглянув на неё. И как закрылась дверь — тихо, почти вежливо. Без скандала. Без драмы. Просто — ушёл.

Алиса открыла глаза. В комнате было темно, только свет от фонарей падал на стол, высвечивая эскизы. Она посмотрела на свои руки — пальцы дрожали. Она сжала их в кулаки, досчитала до десяти, как делала всегда, когда паника подступала к горлу. Раз. Два. Она больше никогда не вернётся в Петербург. Три. Она больше никогда не увидит его. Четыре. Ей не нужен никто, кроме работы. Пять. Шесть. Она справится. Семь. Она уже справилась.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на море. Оно было тёмным, почти чёрным, и только серебряная дорожка от луны дрожала на поверхности, как сломанная нитка жемчуга. Где-то вдалеке горел огонёк — рыбацкая лодка, наверное. Или просто чей-то маяк.

«Всё будет хорошо», — сказала она себе тем шёпотом, которым успокаивают детей. И почти поверила.

На следующее утро Алиса приехала в отель в половине седьмого. Она всегда предпочитала работать в ранние часы, когда город ещё не проснулся и можно было слышать, как дышит пространство. Она хотела почувствовать люкс без людей, без их голосов, шагов, запахов. Только свет и тишина.

В вестибюле пахло лилиями — тяжело, сладко, почти приторно, — и дорогим парфюмом, который смешивался с ароматом свежего кофе. Мраморный пол сиял, отражая хрустальные люстры, и Алиса невольно замедлила шаг, разглядывая игру света — как он преломляется в гранях хрусталя, как разбегается радужными зайчиками по белоснежным стенам, как ложится на колонны золотыми полосами. Она уже собралась подняться на лифте, когда из боковой двери вышел мужчина.

Она узнала его сразу. По фотографиям на сайте отеля — строгий, деловой, с идеально завязанным галстуком. По статьям в местных журналах, которые Зейнеп приносила с рынка вместе с фруктами и байками. По слухам, которые разносились по Мраморису быстрее, чем утренний ветер с моря.

Демир Караджа. Владелец. Наследник. Человек, который, по слухам, никогда не спал — и никому не прощал ошибок. Человек, чья хватка была стальной, а улыбка — редкой, как дождь в августе. Человек, который построил эту империю на руинах отцовской компании и с тех пор не останавливался ни на секунду.

Он остановился прямо перед ней, и Алиса почувствовала, как воздух в вестибюле стал плотнее. Вблизи он был старше, чем на снимках — и тяжелее. Не физически, а присутствием: такой человек заполняет собой пространство, оставляя другим лишь жалкие крошки кислорода и пустые, невесомые слова.

Он был одет в тёмно-серый костюм, но без галстука — верхняя пуговица рубашки расстёгнута, обнажая ключицу, на которой блестела тонкая золотая цепочка. Волосы тёмные, с ранней сединой на висках, зачёсаны назад, но одна прядь выбилась и падала на лоб, делая его почти мальчише-

ским. Глаза — тёмно-карие, почти чёрные, с золотыми искрами, которые зажглись, когда он увидел её.

«Он не спал», — подумала Алиса, замечая тени под глазами — едва заметные, но глубокие, как трещины в старом мраморе. И ещё что-то — какая-то усталость, которая не имела отношения к бессоннице. Усталость души.

— Вы дизайнер? — голос низкий, с хрипотцой, которая сделала бы честь любому джазовому певцу.

Алиса кивнула, заставив себя не отводить взгляд. Она ненавидела, когда её разглядывали. Но он не разглядывал — он изучал, как изучают чертёж перед тем, как вынести вердикт. Сосредоточенно, внимательно, без тени осуждения.

— Я вас не ждал до девяти.

— Я пришла раньше, чтобы осмотреть пространство без лишнего шума, — ответила она, стараясь говорить ровно. — Если вам неудобно, я могу подождать в холле.

— Нет, — он сделал шаг в сторону, пропуская её к лифту. — Идите. Я поднимусь следом.

Она не обернулась. Но спиной, кожей чувствовала его

взгляд — тёмный, тяжёлый, какой-то... осязаемый. Он словно прикасался к ней на расстоянии, и от этого по позвоночнику пробежал электрический ток, заставивший мурашки взбежать по рукам.

Лифт поднимался медленно, с лёгким гудением, и всё это время Алиса сжимала в руке планшет, считая про себя до десяти. Раз. Два. Она здесь по работе. Три. Никаких глупостей. Четыре. У неё нет права на ошибку. Пять. Она не может позволить себе слабость. Шесть. Она одна. Семь. Восемь. Девять. Десять.

Двери открылись. Коридор тридцать второго этажа тонул в приглушённом свете — и Алиса выдохнула, почувствовав, как напряжение отпускает плечи. Тут было красиво. Не роскошно, как внизу, а тихо, благородно. Стены из светлого дерева, ковёр с геометрическим узором, картины в простых рамах — и ни одной кричащей детали.

Она представила, как расставит мебель. Как лягут тени от штор — длинные, тягучие, словно протянутые руки. Как заиграет утренний свет на мраморных колоннах, разбиваясь на тысячи осколков. Как наполнится пространство её цветами — приглушённым золотом, глубокой синью, тёплой охрой. Она шагнула в гостиную и замерла.

Окно от пола до потолка открывало вид на весь Марморис — и на море, которое отсюда казалось бесконечным. Город спал, солнечные лучи только начинали ощупывать крыши, окрашивая их в цвет персика и позолоты, и этот свет заполнил комнату, сделав её живой, дышащей.

— Нравится? — голос раздался прямо за спиной.

Алиса вздрогнула. Она не слышала, как он подошёл. Демир стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на неё с той же странной смесью внимания и усталости. В руках — две чашки с кофе. Он протянул ей одну, и она машинально взяла, чувствуя, как её пальцы дрожат. От неожиданности. От близости. От того, что он снова стоял так близко, что она чувствовала запах его одеколона — кедр и горький апельсин, смешанный с кофейной горечью.

— Спасибо, — она сделала глоток и чуть не поперхнулась — кофе был горьким, с корицей и чем-то ещё, что она не могла распознать. Дорогим. Эспрессо, заваренный на совесть.

— Вы надолго в Марморисе? — спросил он, не отходя.

— Пока есть работа, — ответила Алиса, отводя взгляд к окну.

Он приблизился. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное, но какое-то напряжённое, как будто он сдерживал себя. Как будто тоже боялся — боялся сделать лишнее движение, боялся спугнуть её, боялся, что она исчезнет, как мираж в пустыне.

— Я посмотрел ваше портфолио, — сказал Демир, и в голосе мелькнуло что-то, похожее на восхищение. — Вы умеете создавать пространство, где хочется дышать. Я видел ваш проект в Стамбуле — тот дом на Босфоре. Свет. Он был везде.

Алиса почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло. Тот проект был её гордостью — и болью. Она создавала его вместе с мужем, задолго до того, как всё рухнуло. Тогда она ещё верила, что любовь — это навсегда.

— Комплимент от человека, который строит здания, — она улыбнулась, но улыбка вышла нервной, дрожащей. — Я польщена.

— Это не комплимент, — тихо сказал он. — Это факт. Я знаю толк в красоте. И я знаю, что не каждый дизайнер умеет слышать пространство. Вы умеете.

И замолчал. Алиса чувствовала, как его взгляд скользит по её лицу — по линии скул, по губам, по волосам, выбившимся из пучка, по шее, где билась жилка. Ей хотелось спрятаться, исчезнуть, стать частью стены. Но она осталась стоять, чувствуя, как этот взгляд проникает под кожу, как расплавляет ледяную корку, которую она выстраивала годами.

— Я хочу, чтобы вы сделали этот проект лично, — сказал он вдруг. — Без помощников. Без бригад. Только вы. Своими руками. Своими глазами. Своим светом.

— Я обычно работаю одна, — ответила она, чувствуя, как голос дрожит, — но это займёт несколько месяцев. Может быть, дольше.

— Я подожду, — отрезал он. И добавил, чуть мягче, почти шёпотом: — Я умею ждать. Я научился этому за долгие годы.

Алиса не знала, что ответить. В груди разрасталось что-то тёплое — опасное, незнакомое. Она сделала ещё глоток кофе и посмотрела на море, которое уже начало золотиться, окрашивая небо в розовый и бирюзовый.

— Я пришлю эскизы через неделю, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже.

— Я буду здесь, — ответил он.

И вышел. А Алиса осталась в пустой гостиной, прижимая к груди планшет, чувствуя, как стучит сердце так громко, что, кажется, его слышно даже внизу, в мраморном вестибюле. Она смотрела на чашку в своих руках — она всё ещё была тёплой. И её пальцы всё ещё дрожали.

Вернувшись в студию, Алиса не могла сосредоточиться. Она сидела за столом, смотрела на чистый лист бумаги и видела перед собой не линии светильников, а его глаза. Тёмные, глубокие, с золотыми искрами, которые зажглись, когда он увидел её.

— Что со мной? — прошептала она в пустоту.

Она взяла карандаш и попыталась рисовать. Но рука не слушалась. Вместо строгих геометрических форм у неё получались плавные линии — такие же, как его плечи, как его шея, как его пальцы, сжимающие чашку с кофе.

— Ты рехнулась, — сказала она себе. — Ты просто рехнулась.

Зейнеп ворвалась к ней на второй день, когда Алиса уже начинала походить на безумную художницу из дешёвого фильма — с карандашом за ухом, в футболке с пятнами краски и с двумя кружками остывшего чая, которые стояли на столе уже сутки. Зейнеп была в ярко-зелёном комбинезоне и сандалиях на платформе, её зелёные дреды были собраны в высокий хвост, а на предплечье красовался дракон, который, казалось, усмехался, глядя на Алису.

— Боже, — протянула Зей, ставя на стол пакет с фруктами и бутылку вина, — у тебя вид такой, будто ты три дня не ела и не мылась. И не спала. И не жила. Что случилось?

— Ничего, — буркнула Алиса, не отрываясь от эскиза. — Проект сложный. Очень сложный. Клиент требовательный.

— Проект? — Зейнеп хмыкнула, скрестив руки на груди, и её дракон нахмурился. — Ты хочешь сказать, что этот твой проект — с тёмными глазами, хриплым голосом и миллиардом на банковском счете? Тот самый, который ты не можешь выкинуть из головы уже три ночи?

Алиса замерла. Карандаш замер на бумаге. Она подняла глаза на подругу, и в них было столько усталости, что Зейнеп вздохнула и села рядом на пол.

— Откуда ты...

— Весь Марморис говорит, что Караджа лично приезжает в отель по утрам только когда там кто-то есть, — усмехнулась Зей. — Или что-то. Слухи носятся быстрее чаек, милая. Так что рассказывай.

Алиса отложила карандаш и подняла глаза. Она не плакала — она разучилась плакать. Но внутри снова заныло — та боль, которую она прятала так глубоко, что почти забыла о ней. Она прикусила губу, чувствуя, как на глазах выступает влага, но не позволила себе заплакать.

— Он принёс мне кофе, — сказала она тихо. — И сказал, что я умею создавать пространство, где хочется дышать. Сказал, что я слышу пространство. А ещё он знал про мой проект в Стамбуле. Тот, который я делала с... с ним.

— И? — Зейнеп села напротив, взяв её руки в свои.

— И я... — Алиса замолчала, подбирая слова, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Я чувствую себя так, будто он меня видит. По-настоящему. Не как дизайнера. Не как женщину. Как человека. Слышишь? Мне не нужны были его комплименты. Мне нужно было, чтобы кто-то посмотрел на мои работы и сказал: «Я понял. Я вижу, что ты хотела ска-

зять. Я чувствую это».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.